

Изъ цикла „Исканія.“

Только въ золотъ дѣтской поры,
Въ брилліантовой капль росы,
Только въ свѣтлой улыбкѣ сестры,
Въ перекатахъ вспѣнной волны—
Только тамъ оправданіе жизни.

Только тамъ, гдѣ береза груститъ,
Гдѣ надъ озеромъ чайка виситъ,
Одиноко сосна гдѣ шумитъ
И осинка на солнцѣ дрожитъ—
Только тамъ оправданіе жизни.

Только въ смѣломъ ударѣ,
Только въ дерзкомъ напорѣ,
Только въ стали и волѣ—
Да въ немеркнущемъ взорѣ—
Мы найдемъ утвержденіе жизни.

А. Жилыковъ.

Ступень.

Сестра милосердія Римма Павловна Ланская, на рукахъ которой умеръ запасный солдатъ и пахарь Савелій Тихоновъ, переступила ту черту обычнѣйшей барской обезпеченности, изъ-за которой раньше не видала ни земли, ни того большаго и сложнаго, что называется корявымъ словомъ: „народъ“. Письмо Савелія на рѣдину, которое она писала съ его словъ, его воспоминанія и заботливость о старомъ Каркѣ, его сведебное признаніе—вене въ душу природы—пашни, и наконецъ, это позорное сознаніе необходимости умереть,—зсе это глубоко потрясло Ланскую... А тѣ мысли, которыя пришли ей въ голову и вызвали изъ прошлаго саеи воспоминанія, свои цѣлущія грѣхую поля, по которымъ она въ расцвѣтѣ юности гуляла съ единственнымъ, давно потеряннымъ ею и любимымъ человѣкомъ,—невольны пробудили ненависть къ настоящей ея жизни и въ особенности къ мужу, старому, кичливому и ставшему для нея теперь чужимъ. И фамилія его, воплощеніе всего напыщеннаго и сѣвкскаго-пустого, казалась Риммѣ Павловнѣ противной:

— „Фонъ-Краузе!“—у Риммы Павловны ломалась тонкая дуга бровей. Кгдѣ-же она шлетала свою дѣвчьею фамилію: „Ланская“—въ ней снова воскресало прошлое, отдаленное отъ настоящаго всего двѣнадцатью годами,

но такое далекое, непоправимое... И это свое личное у Риммы Павловны, совсѣмъ не похожее на прошлое умершаго Савелія, а только вызванное имъ воспоминаніемъ о землѣ, о поляхъ, о далекомъ дѣтствѣ,—ранило ея душу и потребовало какой-то ясности, какого-то рѣзкаго движенія, а можетъ быть переворота въ ея жизни.

— „Уйти отъ мужа!“—мелькнуло въ ней и показало, что это и значить уйти отъ всего настоящаго, дворянскаго, напыщеннаго, сѣвкскаго... Но нервы были такъ напряжены и разстроены, что когда внезапно изъ своего имѣнія пріѣхалъ мужъ и сталъ настаивать на томъ, что ей необходимо отдохнуть, она устало и безвольно оперлась на его руку и уѣхала изъ лазарета въ гостиницу.

Фонъ-Краузе по телефону вызвалъ старшаго врача, который осмотрѣлъ Римму Павловну и нашло у нея острое разстройство нервовъ на почвѣ переутомленія. Какъ бы подтверждающее заключеніе врача, Римма Павловна держала себя необычно. Зимулилась въ своемъ номерѣ и цѣлый день не отзывалась на настойчивыя стукки мужа. И только подъ вечеръ, когда она, заподозривъ неладное, заснула сильнѣе, Римма Павловна щелкнула ключемъ и показавшись въ дверяхъ съ заплаканными глазами и опухшими

вѣками, лицо ея казалось заспаннѣмъ.

— Прости, я разбудила тебя!.. Но я, Богъ знаетъ, что подумала!.. — Да, я не спала всѣ эти ночи,—уклончиво отвѣтила она и, отвернувшись, прибавила:—А теперь я немножечко пройду по воздуху... Нѣтъ, ты не беспокойся, я хочу одна.

— Нѣ, Риммочка!..—укоряюще развель руками господинъ фонъ-Краузе—Я не могу тебя оставить!..

— Нѣтъ, я прошу тебя!..—я Римма Павловна притворно прикоснулась блѣдыми губами къ лоснящейся ляминѣ фонъ-Краузе.

— Ну, хорошо, мой другъ,—златорился онъ.—Только рядъ Бога приди скорѣе... Я заказу обѣды: ты же ничего еще не ѣла.

Римма Павловна взяла на руку легкую мантію и съ непокрытой головою вышла на панель. Она направилась безцѣльной медленной походкою вдоль улицы, въ концѣ которой загустою свѣткою позолотавшей пачи доторгалъ закатъ. Откуда-то неслись звуки музыки. Все ближе, ближе.

Римма Павловна разбрала, что это похоронный маршъ, который здѣсь теперь такъ часто слышнеть передъ вечеромъ. Римма Павловна повернула на площадь, къ блѣтому, съ массивными синими кулономъ, собору. Процессія уже вошла въ него и только часть солдатъ съ оркестромъ построилась у входа въ храмъ почетными карауломъ. Меланно и какъ бы не хотя она вошла въ соборъ, въ которомъ обняла ее особанная незнакомая прохлада, пахнувшая ладаномъ и горящимъ воскомъ. Передъ безолынными рядами солдатъ, поодаль отъ амбона, почти подъ люстрой стоялъ обитый блѣлою парчѣ гробъ; радомъ съ нимъ на крышкѣ лежали офицерское оружіе и орденъ. А позани стояли еще два гроба, просые, едѣз покрашенныя охрой, съ георгиевскими ленточками на блѣломъ колѣнкорѣ.

Стоявшие возлѣ нихъ солдаты почтительно разступились передъ Риммою Павловной. Онъ рѣшась взглянуть въ полуоткрытыя лица мертвыхъ, Римма Павловна подняла глаза къ иконостасу и вмѣстѣ съ тикимъ плавающимъ пѣвчѣмъ послала изъ выстоты свой тихій, глубокий вздохъ. Въ немъ заключалась вся сила ея мольбы, въ которой не было ни жалобы, ни просьбы, но въ которой почему-то радомъ съ Риммою Павловной стоялъ Савелій съ синими, обидно сжатими

губами и шепталъ:

— „Твое, Господи, воля! Твое!“ Римма Павловна повторила это нѣсколько разъ и, собравши силы, взглянула на покойниковъ. Въ простыхъ гробахъ лежали совсѣмъ юные безусые съ желтыми сухими лицами, на которыхъ одинаково покоилась безмолвная покорность.

— Твоя, Господи, воля! Твое!—сказала Римма Павловна и только тутъ вспомнила, что это не ея слова, а Савелія, который въ полубреду не разъ ихъ повторялъ запекшимися губами. И съ недоумѣніемъ спросила у себя, почему совсѣмъ по новому текутъ теперь и возникаютъ ея мысли? Какъ будто кто-то пересторилъ или подмѣнилъ въ ней душу и направилъ ея мысли къ инымъ, безкрайнимъ дѣлячъ жизни. Въ глубинѣ сознанія зашевелилось угрызѣніе, похожее изъ досаду: десятки тяжело раненыхъ и больныхъ умерли при ней и ни одинъ не могъ съ такою силой задержать ея вниманіе... А теперь она какъ будто взглянула въ другую область челоувѣческаго бытія и увидѣла также, отчего разъ навсегда не смѣжетъ ни уйти, ни оторвать своего испуганнаго взгляда.

— Помги имъ всѣмъ, о Боже мой!..—послала Римма Павловна къ иконостасу съ новымъ вздохомъ и хотъ знала, что не вѣрнѣе, а все такъ молчала, важкая изъ души и сердца всю силу чистыхъ помысловъ, желаній и любви..

— „Имъ всѣмъ!“—зотъ что было новымъ и огромнымъ, вотъ что впервые парвило ее и вызвало жажду самоугрѣженія:

— „Тѣмъ, покорные и нищіе—оня должны, а мы?..“

Въ дѣлнвшей мысли Риммы Павловны путалась, она какъ бы болѣе подоитъ къ какой-то жуткой истинѣ и и опять млдлалась:

— „Дай силы и терпѣнія имъ!.. Дій свѣта, Господи!..“

Млнлалась, а сама не вѣрила!..

Взрѣды прѣдъ амбономъ за платве стройной дамы держалась маленькая дѣвочка въ пикейномъ блѣомъ платьицѣ, съ распушенными бѣлыми волосами и, поднявъ глаза къ куполу, искала нми, вѣрнато, ангеловъ, которые такъ славно баякали души умершихъ, бережно унося ихъ на крыльяхъ пѣвча на небо:

Идѣ-же нѣтъ болѣзни, Пачади, ни въздыханія.“

Глаза дѣвочки были чисты, какъ утреннія росинки на лепесткахъ цвѣтовъ и въ нихъ горѣла истинная вѣра въ то, что ангелы несутъ души умершихъ къ Богу, въ надзвѣздные сады неуваждающаго рая.

Римма Павловна стояла въ забытіи, вся поглощенная созерцаемъ малютки, которая такъ свято вѣрила. Но вотъ діаконъ заключилъ погребальную литію октавистымъ „аминъ“, прозвучавшимъ сильно и волнообразно, какъ заключительный аккордъ на нижнемъ регистрѣ рояля.

Когда Римма Павловна повернулась, чтобы уходить, фонъ-Краузе стоялъ позади ея и подаль ей свой локоть. Римма Павловна сказала съ раздраженіемъ въ голосѣ:

— Вы положительно преслѣдуете меня!..

— Я не на шутку беспокою о вашемъ здоровьи!—обидчиво отвѣтилъ онъ и, когда молча вышелъ на площадь, онъ добавилъ:—кромѣ, того я хотѣлъ тебѣ предложить прійтись сегодня въ театръ.

— Боже уласи!.. Я такъ устала!.. Да и такъ!.. Мнѣ положительно не до того.

— Я тоже не хотѣлъ. Но думаю, что тебѣ необходимо поразвлѣчься. Тамъ болѣе сегодѣя ты, какъ будто, выспалась.

Римма Павловна молчала устало прѣдъвила:

— Что-же тамъ идеть сегоднѣ?..

— Какой нибудь благотворительный концертъ, я думаю...—украдкой зѣвнувъ отвѣтилъ онъ и отвернулся отъ жены, отыскивая афишу на витринѣ.—Нѣтъ, ле-екціи!..—звучнымъ голосомъ сказала она.—Я думаю, что дѣйствительно, не стоить иди.

— „Озъ альпійской флоры?“—вопросительно сказала Римма Павловна и осановилась передъ скромною афшей. Затѣмъ порывисто отняла руку у мужа и почти вскрикнула: „Препорщикъ Цѣтѣевъ?..“

— Что-же тутъ удивительнаго?—засугалась фонъ-Краузе, думая, что Римма Павловна изумилась свѣлости маленькаго офицера—ты же видишь: „Докторъ ботаники!“

Но Риммѣ Павловнѣ не нужно было болѣе словъ. Она быстро шгала по панели впередъ фонъ-Краузе и болѣе щипала себя за руку, не вѣра чуду. Не во снѣ ли оно совершается?..

(Окончаніе слѣдуетъ)

Георгій Гребенщикова.

Ступень.

(Окончание).

В большом зале театра, ярко освещенном электричеством, эполетами, орденями и лысыми златого дворянства, фонь Краузе с особенной любовью склонился к бледно-матовому лицу своей жены, одетой во гладкое черное платье, и неперезрело что-то говорил ей. Но Римма Павловна рассвятила и невольно кивала головой и совершенно не слушала его. Между бровей ее, прогоняя принужденную улыбку, то и дло появлялась рыская бороздка, отбичвая большую душевную борьбу. Вдруг она взволнованная оживлением начала лекции, Римма Павловна и вярля и не вярля, что это „тоь самый“. Вь то же время на все она смотрела новыми глазами, какь будто три мьсаца борьбы со смертью и страданиями, научили ее все оцньивать и видть по иному. Все то, что раньше ей казалось циничным и замечивым, теперь какь бы утратило свой смысл. А то, чего она раньше не замьчала, теперь останавливало на себь ее внимание. Но все вмьсть быстро затушевывалось навязчивыми, вопиющими вопросами: „Какой онь стал? Что онь будеть говорить? Каким теперь онь нарисуеться вь своихь словахь и мысляхь?“

И болано сжалось сердце, когда она себя спросила:
— „Встрьчьтсь съ нимь или не встрьчьтсь?“

Смутное и острое желанье снова близко подойти къ нему и все сказать, излить передь нимь наединь всю ее теперешнюю душу, скорбную и углубленную—рисовало возможность встрьчи вь самыхь фантастическихь красках. Но тутъ же, гдь-то вь уголкь души, больно шевелилась змьбка ядовитого сомьняния: помнить ли онь также ярко прошлое и не живеть ли новымь, лучшимь, которое, быть можеть, все собою затопило и наполнило его жизнь?.. Но самое главное, томительное и глубокое—было сознание того, что если совершается чудо, то оно не остановится на половине,

оно само найдеть пути къ тому, что бы захватить собою и согреть и освьтить какь можно больше. Именно чего-то большого хотьлось Риммь Павловнь, и необычно-яркого, красивого, какь будто смерть, похитившаго изъ ее рукь этого, ставшаго ей близкимь и понятнымь простого человека Савелия, сбьлава ее душу болъе зрячей и жаждой, жужющей чула.

Третий звонок и медленное потухание вь зале электричества произвели на Римму Павловну такое действие, какь будто вмьсть со свьтломь потухало и ее сознание. Она покачнулася и упала на первый попавшийся стуль, толкнувъ собою незнакомаго полковника. Фонь-Краузе изинился за нее и безолокой что-то лепетать, советуя покинуть зале, но Римма Павловна дошла до своего кресла и, чувствуя, что „онь“ выходит на встряду, невольно сомкнула вьки глазь и совершенно не могла дышать.

Она не слышала, какия первая слова сказалъ онь, но помнить, что чуть не вскрикнула, услышавъ его свьзкий, мягкий и такой знакомый, пахнувший гречихой и цвьтами, голос. Когда же открыла глаза, то не могла его узнать. Передь ярко освьщеннымь потолкомь стоялъ не высокой, плотный офицеръ вь оливоковомь мундирь и съ совершенно бьлыми волнистыми волосами на головь вь усахь и борода.

— Сьдой?!—выдохнула Римма Павловна и вьпилас глазами вь свьзке, почти юношеское лицо, освьщенное почтительной и вдумчивой улыбкой. И оттого, что ее собственная впечатлньия, мысли и воспоминания съ бурной властью овладьли ею, она не все запоминала изъ того, что слышала. И лишь отдьльные фразы укладывались вь ее мозгу прочно и надолго.

.....Теперь особенно глубоко чувствуется всеми геометрически-прстая линия—кратчайший путь, соединяющий двь основные точки: смерть и жизнь. Но какь бы не торжествовала на своемь пиру смерти, жизнь все же побьждаеть*.

Эти слова упали на душу Риммы Павловны, какь благовоорная роса на

увядаящую цвьтокъ.

„Возьмьтхь хотя бы маленькия, но бесчисленные существа растительнаго царства, которая такъ часто выходятъ побьдителями изъ борьбы съ жестокими стихиями природы“.

Принимая вь сердце содержание этихь словь Римма Павловна долго любовалась ими, согривая ихъ своими думами и снова пропускала содержание лекции. Зато передь ее глазами развернулось широкий и лиловый горный пейзаж, отброшенный на полотнъ волшебнымь фонаремь, а далеко на горизонтъ бьлые конуса ледниковыхь высоть, къ которымь направлялся вмьсть съ зрителями лекторь.

„Всь эти цвьтуция долины рьвъ и склоны горъ—знять поймалъ слухъ Риммы Павловны—жьждога погребенны были подь ледниковую корой, но на расстояния тысячьлетьй солнцъ отаедало у холодныхь льдовъ эти необъятныхь пространствъ и поселило на нихъ цвьтуцию и полную гармоний красоты растительную жизнь...“

Передь глазами Риммы Павловны вь сказочномь величьи вставали новые картины горныхь рьвъ и водопадовь, угрюмыхь скаль, непроходимаго льса и пустынныхь альпийскихь луговь и, наконець, когда на полотнъ заблестьло близкою поле вьчанныхь сньговь, она олять запомнила „его“ слова:

„Вы видите, что здьсь, на линии между землей и сньгомь, гдь можеть быть еще только вчера растаялъ сньгъ, сегодня уже расцвьтають анютины глазки, а здьсь, подальше отъ сньговъ раскинулись цьные ковыли изъ лозиковъ. А вотъ на высоть вь суровой обстановкь вырастають здльвейсь“.

Сьзна суровыхь синихь ледопадьвъ ньжными и яркими семействами цвьтокъ, вызывали вь Риммь Павловнь цвьзый рой образовь и мыслей, вь свьзяхь которыми слова лекции приобрьтали для нея смыслъ какь бы просторческаго откровения. Смутно представляла, что вь посльдичь дни она и сама такъ думала, и сама подолшла близко къ чему то новому, болъшему, но только не могла подобрать необхо-

димаго ключа, чтобы открыть дверь вь это таинственное новое, полное глубокаго смысла борьбы со смертью.

Какъ глухоньмая была во время перерыва Римма Павловна. Когда же подходил къ концу вторая часть лекции, вь ней снова стало нарастать волнующее безоложайство, но не похожее на то, которымь она была охвачена передь началомь лекции. Тогда она какь будто собиралась подниматься на крутую гору и видьла передь собой непроходимыя прапастей, теперь же она взбралась на высоту и передь нею открылись широчайше пути во всь стороны. Все личное вь ней уступило мьсто чему то большому, необозримому, какь сама жизнь. И какь бы утверждая ее мысли, лекторь говорилъ простое и понятное:

— „Солнце свьтъ свой расточаеть одинаково для всьхь и какь растительность, такъ и человечество являются родными братьями, дьтими единой материи-природы. Та же у обихъ тяга къ свьту и свобода и то же назначение—украшать собою землю и обезбечивать лучшее существование грядущимь поколньемь во имя немеркнувшей, безсмертной жизни“.

— „Ну, да. Ну, да!—тому то радовалась Римма Павловна.—Все это такъ, все это совершенно вьрно! Вьдь черномъ—это же и есть запасъ тепла, которое отаеваемыетъ у камней и ледниковь новыми областями для жизни. А черномъ накапливается изъ умирающихь растений...“

— „Но все же для того,—закончилъ лекторь—чтобы торжествовала жизнь, необходимо оберегать ее растения отъ губительныхь стихийныхь бьдствий, которая всегда лишь разрушали красоту и играли вь руку жаждой смерти. Вотъ почему, я какь ботаникь, хотьтъ бы дать практической свьзть хозяйевамь: никогда не сжигать на нивахь удобрения, но постоянно бережно взрыкать и засьвать его, чтобы не прекращалось пышное цвьтенье жизни“.

Для Риммы Павловны это было посльднимь, наивысшимь откровени-

емь. И передь нею выростали, то черныя, только что взмождия, то бьлые, засьпанная холодными сньгами, поля, незьбятная даль а ширь которыхь и пугала Римму Павловну и открывала передь нею безпредельныхь пространствъ для радости и свьта, какь будто вся земля покрывалась цвьтуцью гречихой, вь которой во юности она гуляла съ нимь, вотъ съ этимь удивительнымь и незабываемымь.

На шумне рукоплескание публики лекторь вышелъ при полномь освьщении и Римма Павловна почувля, что взглядъ его остановился на ней и какь будто даже вь это время его улыбку замьняла внезапная тревога... Она стояла возль кресла и не могла отвести глазь отъ лектора, мысленно вьлущая самую себя:

— „Ньтъ, онь, конечно, не узнали... И не надо намь астрьчьтсья! Не надо! Не надо! Такъ будеть лучше!.. Такъ красивьей...“

На глазахь ее, глубокихь и вдумчивыхь, засверкали даъ чистия родинки, зажженные благодарностью судьбь за все, за все. И главное за то, что для перелопенной любовью души Риммы Павловны, теперь открылись новые ширекие пути вь просторяхь жизни. Вьдь онь все тотъ же и путь его къ вершинамь жизни все также улекательно красивь. Значитъ, прежде не умерло, значитъ, все прекрасное съ людьми!..

Однако по дорогь изъ театра Римма Павловна надолго разрыдалась. Господинъ фонь-Краузе отнесъ это всецело на счетъ ее душевнаго растройство. Онь никогда не узнаеть, не пойметъ, что надломленную душу Риммы Павловны озарила свьтъ юный и немеркнуций...

Георгий Гребенниковъ.

